

анное с ним вечное ожидание: ожидание не только счастья, какой-то особенной полноты его, но еще и чего-то такого, в чем (когда настанет оно) эта суть, этот смысл вдруг наконец обнаружится. «Вы, как говорится в оракулах, слишком вдаль простираетесь...» И впрямь: втайне я весь простирался в нее. Зачем? Может быть, именно за этим смыслом?» [1, с. 36].

Возможность «простирается вдаль» за смыслом в единстве наивного познавательного импульса и традиций школьной философии – представлена в данной статье как тематизация проблемы философского образования и культуры философствования.

Библиографические ссылки

1. Бунин И. Жизнь Арсеньева [Текст] / И. Бунин. – М.: Согласие, 2000. – 404 с.
2. Голубович И. В. ДНК: Информационно-аналитическое издание [Электронный ресурс] / Инна Владимировна Голубович. – Режим доступа : <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=59428>
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
4. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы [Текст] / В. В. Набоков. – М.: Современник, 1991. – 318 с.

Надійшла до редколегії 25.01.11

УДК 111

В. Б. О कोरोков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АЛЕН БАДЬЮ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ ИСТИНЫ

Проводиться анализ родових процедур А. Бад'ю і на цій основі робиться спроба глобального тлумачення європейського шляху становлення людини.

Ключові слова: шлях, математика, політика, соціальна філософія.

Проводится анализ родовых процедур А. Бадью и на этой основе делается попытка глобального истолкования европейского пути становления человека.

Ключевые слова: путь, математика, политика, социальная философия.

The analysis of patrimonial procedures of A. Badiou is carried out and on this basis attempt of global interpretation of the European way of becoming of the person is done.

Keywords: a way, mathematics, politics, social philosophy.

Гегель приучил философскую мысль соизмерять путь объективный и путь субъективный, путь духа и путь человека, но в своем забвении человека множественного упускает метод или возможность такого соизмерения. Диалектика может работать с абсолютами, но она бессильна против множественности.

А. Бадью приучает нашу мысль к соизмеримости пути родового (исторического) и пути человеческого: чтобы понять себя, нужно раскрыть путь предков, путь своего становления, услышать гул идущих от века и времени родовых процедур. Только на этом пути, по его мнению, мы можем понять дыхание социума. Раскрывая механизмы порождения множественности, мы приближаем себя к истолкованию сущности человека исторического. Основные вехи на этом пути – открытия Пифагора, Парменида, Зенона, Декарта, Канта... Процедура субъективности есть процедура формирования целостного неразделенного субъекта познания, противостоящего текущей множественности. Единство субъекта – вот формула истолкования человека разумного, сформированного классической культурой. Вопреки такой формуле, неклассическая культура стремилась показать, что целостного субъекта познания не существует. Есть целостный человек, очерченный траекторией жизни, но единство человека живущего и единство субъекта познающего – это разные формы истолкования и понимания человека. Классическая культура знала только человека разумного, неклассическая – пытается понять ключевые факторы формирования человека живущего.

До тех пор, пока проблема существования человека раскрывалась через религиозно-мифологические процедуры, ни у кого не было сомнения в целостности субъекта, ориентированного на тождество между разумом и верой. Когда стало выясняться, что разум и добродетель не всегда тождественны, возникла необходимость новой обобщенной антропологической концепции. Экзистенциальные мыслители, психоаналитики, феноменологи, структуралисты и постструктуралисты приблизили нас к мысли, что человек существо более сложное, чем тот, каким его видела классическая культура. Возможно, наиболее интересные попытки осуществления такого проекта были найдены М. Хайдеггером и А. Бадью.

Творчество А. Бадью, в точном соответствии с рецептом М. Хайдеггера, обращено к античной философии с одной целью – понять сущность «события истины». Расчленив и фрагментируя возможные истоки «ситуации происхождения философии» и перенося возникшие при этом проблемы на более раннее доисторическое социальное общество, А. Бадью показывает, что существует четыре способа становления философии, точнее, четыре возможных процедуры преобразования родовой мысли в философскую. Такого рода переходы французский мыслитель называет «родовыми процедурами», а соответствующий способ становления и раскрытия подлинного знания «ситуацией истины». Возникающие в античном мышлении разночтения понимания человеческого познания «историк философии» интерпретировал бы посредством формирования

различных процедур понимания бытия человека и именовал бы их как этические (вслед за Сократом), философско-метафизические (очарованный Платоном), научные (после Аристотеля). Религиозно настроенный интерпретатор культуры добавил бы к ним еще два способа интерпретации – мифологический и религиозный. Всем этим способам буквально соответствуют различные виды прочтения действительности (различные картины мира) и жестко заданные типы мировоззрения (мифологический, религиозный, этический (социальный), философский и научный).

Однако А. Бадью истолковывает мировоззренческое понимание картин мира как сформированное посредством эпистеме единство мысли, то есть опирающиеся на абсолютную непогрешимость разума в формировании истины системы знания. Но истина, по его мнению, – это не идеальный образец действительности, или точная процедура соответствия мысли действительности, как ее истолковывал Аристотель (почти также и у Платона – как точное соответствие копии идеальному образцу). Истина в учении А. Бадью раскрывается не в действительности и не в идеальном мире, она формируется лишь как «ситуация», то есть может возникнуть только в «ситуации». С этой точки зрения ситуация вызревает исторически, и может быть только исторической процедурой, точнее, поскольку речь идет об истоках ее становления в античном мышлении, возникающей на почве родового сознания. Истина возникает, согласно А. Бадью, лишь как «родовая процедура». Французский мыслитель калькирует здесь разработки современных математиков: «Истина есть налаженная процедура производства дополнительной множественности» [1, с. 32]. Поэтому многие современные критики называли философскую теорию А. Бадью «платонизмом множественности», а его самого – последователем Платона. Деструктивный путь, проделанный М. Хайдеггером, ведет, прежде всего, к Аристотелю. Путь деструкции, предложенный А. Бадью, возвращает нас к Платону. Последний путь более радикален, чем у Хайдеггера, так как Бадью продумывает его продолжением в архаику – к досократикам и родовому обществу. Но само понятие «событие истины», как показал М. Хайдеггер, относится преимущественно к компетенции досократиков (и их трактовке у Аристотеля). Очевидно, что проект Бадью – это скорее проект прочтения всей античной философии, а «чары» Платона в том понимании истины, который разворачивает А. Бадью, еще не настраивают европейскую мысль на открытость истины. К. Поппер в «Открытом обществе» расшифровывает проект Платона как формирование закрытых процедур мышления и путь становления закрытого общества. Фактически, Поппер связал проект истины с формой социальности. Для А. Бадью мысль о приоритете социальности в поиске истин является открытой. Чары Платона истолковываются им как превосходство социального. Однако проект формирования множественности, восходящий к более раннему античному периоду досократиков, лишь синтезирован в трудах Аристотеля. Таким образом, в античности явственно прочитываются

ся несколько путей истолкования истины – у досократиков, Сократа, Платона и Аристотеля. Собственно, деструкцию философии к различным периодам становления античной культуры продельвали С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, К. Поппер, А. Бадью и Ж. Делез, которые вычленили различные процедуры истолкования античности (под знаком математики – числа и исчисления множественности, социальности и этики, философии и метафизики, анализа психики и т. д.). Современное переосмысление всех этих проектов разрушает классическое представление об истине и бытии.

Обобщая сказанное, можно поставить вопрос жестче, как собственно происходило формирование современного человека? Продолжая линию А. Бадью и Ж. Делеза, можно утверждать, что путь европейского человека – это путь налаживания социальной множественности (по принципу организации машины) – процесс преобразования множественных социальных смыслов в единую процедуру мышления.

Европейский человек становится на путь философии и науки путем механизации мышления. Если в таком ракурсе трансформировать мысль Аристотеля, Ламетри, А. Бадью, то европейский человек – это живой компьютер, материальная биомашина, способная умножать (или формировать) новую множественность, производить множество по принципам социального размножения. А. Бадью лишь перетолковывает сущность «машин желания» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. В таком смысле можно иначе понять и соответствующую процедуру производства социальных (точнее бессознательных, по К.-Г. Юнгу) «машин желания»: шизоанализ должен уступить место новому прочтению бессознательного, построенному по типу социально-математического производства человека. Этот способ производства человека-машины можно условно назвать «гомоанализ» (или социальный матанализ). В буквальном смысле, согласно А. Бадью (см. «Манифест философии»), Ж. Делеза и Ф. Гваттари (см. «Логика смысла» [2] и «Капитализм и шизофрения»: в 2 ч. [3–4], а также М. Хардта и А. Негри (см. «Множество: война и демократия в эпоху империи» [5]), человек есть существо, производящее убывающие потоки множественности (убывающие ряды единичностей), которые формируют его психику (бессознательное, мышление, разум и т. д.).

И естественно, и удивительно то, что классическая мысль не замечала социальную сложность и многогранность человеческой психики. Математика, логика, этика, эстетика и психика пересекались между собой лишь за границей опыта и разумности (в априорном пространстве И. Канта). В таком мире человек рассматривался как продукт работы с абсолютными формами, которые не требовали исчисления, или брались как законченные формы арифметического счета. Человеческий разум опирался на числа и идеи. В понимании А. Бадью Пифагор и Платон дали миру путь математики (они возвеличили одну из родовых процедур и указали бытию путь его исчисления). Европейское человечество до сих пор заколдовано этим позитивным путем. Хотя Ницше указал и иное прочтение: это путь по лестнице вниз, путь производства нигилизма? В целом же мате-

матическая родовая процедура, в точном смысле, идет не от рода, а от века (она порождается временем).

Путь исчисления математики есть путь оформления множественности, системного анализа бесконечной делимости, путь исчисления движения и становления (в числах). Это математический путь и есть фактически путь техники (техне и постава) – путь машин. Очевидно, напрашивается и соответствующая родовая процедура – становление математического производства мира (по Бадью, матема). Техне (как показывают М. Хайдеггер и А. Бадью) порождает на этом пути математические способы исчисления бытия.

Но А. Бадью просматривает все возможные варианты исчисления бытия человека. Он ищет такие процедуры мышления и нашей психики, которые свойственны и мифологическому, и религиозному и современному сознанию. По его мнению, существует четыре родовых процедуры, идущие от рода, – (матема, поэма, политическое изобретение и любовь), которые формируют четыре возможных пути становления человека мыслящего (*homo cogitans*). Процедура А. Бадью в математическом смысле довольно проста: он изначально помещает человека в множественное бытие и пытается выяснить возможные способы прочтения этой множественности, то есть раскрыть возможные измерения бытия человека мыслящего в различных средах множественности. Человек попадает в ситуация наблюдателя исчисления множественности.

Точно так же, как античная философия в период формирования софистики находилась в состоянии неопределенности и нестабильности, что завело ее в тупики релятивизма, современная философия испытывает аналогичные трудности и все более сворачивает с пути ясных, очевидных или трансцендентальных установок, четко очерченных Р. Декартом и И. Кантом. Очевидно, что в такие периоды формирования истории философии возникает актуальная потребность формирования новых путей структурирования знания, проясняющих ситуацию и культуре.

К началу XXI в. казалось, что бесконечная дифференциация и фрагментирование бытия человеческой личности, общества и истории не закончится уже никогда, так как выступали все новые и новые горизонты их непрявленности. Постмодернизм в культуре и философии лишь явился реакцией на это структурное многообразие форм бытия человека, нигилизм же разрушил остатки веры в какую бы то ни было устойчивость культуры, в возможность науки, философии и религии спасти человечество. Кризис классических форм бытия культуры – в их неспособности разрешить возникшие в современном обществе проблемы. Поэтому и возникла софистическая дилемма: классический способ мышления уже не может сформировать сколько-нибудь продуктивных ответов на «ситуацию времени», а новые формы мышления – лишь добавляют туманности в этой ситуации. Культура запуталась в софистических противоречиях современных установок, классические же по сути разрушены кризисом недоверия.

Філософія А. Бадью, творчество которого, являясь частью постмодерной культуры, раскрыла новые возможно классического мышления. Поскольку он стремился преодолеть недостатки постмодерного мышления, а современная философия находится в состоянии растерянности перед туманными перспективами неклассического (и постнеклассического) мышления, анализ творчества А. Бадью является чрезвычайно актуальным.

Если встраивать нашу мысль в концептуальное поле философских размышлений А. Бадью над судьбой (по Хайдеггеру) современного социального мира, что созвучно понятию «преодоление постмодернизма», то можно отстаивать мысль, что А. Бадью находится на пути преодоления постмодерной философии. Но какова цель проекта А. Бадью и куда ведет нас современная философия?, – этого французский философ не расшифровывает.

Круг критической литературы по данному вопросу достаточно широк, он, в частности, включает ряд обстоятельных работ С. Жижика, Ж.-Ф. Лиотара, П. Холлварда, Д. Белсайда, А. Тоскано, Н. Хьюлета, Ф. Неф, Ж. Рансьера, Э. Лакло, А. Салгано, А. Финкельраут и др. Эти исследователи показали, что в своем произведении «Бытие и событие» он отождествляет онтологию с математикой и использует математическую формализацию онтологического дискурса.

А. Бадью в большинстве своих работ проводит своеобразный шов между математикой и социальной философией. Он пытается расшифровать проблемы социальности посредством процедур исчисления множественности. В области социальной философии А. Бадью стремится ответить на вопрос о том, что есть политическая жизнь общества. Он придерживается радикальной политической позиции. Марксизм для него – один из примеров «политического шва», который скрестил два других шва (политический и научный).

А. Бадью отмечает, что сама по себе философия теряет себя, если она перепоручает все мышление одной родовой процедуре, если она подшита к ней (например, к политике или математике). Но философия этого не замечала. Сначала, по мнению А. Бадью, она стремилась подшиться к позитивизму, затем – к искусству, главным образом, к поэзии (в лице М. Хайдеггера), когда же закончился век поэтов (поэма десакрализовалась), началось новой восхождение к истине (путь к истине теперь совпал с самой истиной), а А. Бадью раскрыл четыре способа становления истины: революция, страсть, изобретение и творчество, и четыре соответствующих области нашего существования: политика, любовь, наука и искусство [1]. В работах «Манифест философии» и «Бытие и событие» А. Бадью раскрывает в качестве главной задачи философии – обеспечение возможностей указанных четырех областей деятельности. А. Бадью вводит основные концепты по отношению к политике: бытие, событие, истина, субъект.

В последнем крупном произведении «Логика миров» (2006) – продолжении «Бытия и события» – А. Бадью укрупняет антрополо-

гическую линзу, продвигаясь от «бытия-события» к «миру-событию». Но и в последующем произведении «Втором манифесте философии» он сохраняет верность платонизму, где ставит два новых ориентира: критика демократии (в терминах капитало-парламентаризма) и верность платонизму множества, подкрепленном коммунистической идеей. По мнению А. Бадью, у современной политической философии вполне определенное лицо – лицо буржуазного парламентаризма (та цена, которую приходится платить за дискуссионный плюрализм, – отрицание истины). То есть под именем современной политической философии оживает античная софистика.

По мнению А. Бадью, постмодернистские философы – это новые софисты (которые декларируют условность не только частных, но и общей истины). В этом вопросе он придерживается классических взглядов. Классика в его текстах еще не исчерпала себя. Выход на передовые рубежи философской концепции А. Бадью (после смерти Ж. Деррида) можно воспринимать как один из симптомов того, что «конец философии» в Европе не состоялся, но, возможно, уже близок конец постмодерна.

Социальный проект А. Бадью приводит его к расшифровке самых критических форм протеста социальности. По его мнению, сущность терроризма ориентирована на этимологию этого слова. Для А. Бадью любое исключение приобретает угрожающие формы тотального отчуждения. «Исключительный» – вот имя того, кто не имеет имени. В ряд таких исключений попадает и сама философия, если она не освобождается от синтеза нигилистических проектов.

Есть различие права (как выражающего сущность государственной политики) и политики, раскрывающей родовую процедуру истинного (социального) бытия. Парламентские государства Запада, не претендующие на истину, с философской точки зрения, являются государствами релятивными и скептическими. Какова же суть существования современных государств и смысл терроризма? Эффект воздействия политики на философию всегда одинаков: неразличие и в конце концов узурпация.

Спасение философии в том, что право не должно быть поставлено в центре политики, но в то же время оно не должно быть исключенным из нее. Политика сама по себе, по А. Бадью, есть субъективный процесс истины, а не прерогатива государства. Момент, когда мысль замещает собой государство, вписывая это замещение в бытие, является реальным моментом политики.

Но, согласно А. Бадью, для своего спасения философия должна ориентироваться не на современные отчужденные формы социальной культуры, приводящие к массовости и обезличиванию (потере имени), а на родовые процедуры. Любая законная форма бытия и становления культуры должна иметь свою историю и обращаться к родовым классам множественности (иметь свое историческое имя). Современные обезличенные парламентские государства Запада, утратившие истину, являются государствами релятивными и скептическими. Они, как симулякры, замкнутые и подвешенные в

пустоте духовные образования, как государства, которые дезориентированы видимостью демократии и в такой безразличной множественности утратившие подлинность бытия и истины. Утрата духовности и истинности есть начало пустоты; в таком беспощадном состоянии (основанном на самодовлении лжи) ни одно государство долго существовать не сможет.

Печальный опыт существования империй – тому подтверждение. Хотя М. Хардт и А. Негри пытаются сформулировать представление об империи как единстве множественности [5]. Возможно, такой скрытый неоплатонизм, реанимирующий дух империи, и является спасением культуры, но это возможно только в том случае если единство империи восходит к подлинной истине, а не к псевдорéalности (симуляционности) современных обществ. И у А. Бадью, и у М. Хардта и А. Негри возврат к истине является подлинным условием обретения имени и преодоления «исключенности». Однако в обеих концепциях путь к истине затушеван их приверженностью к некоторым современным политическим событиям, подлинное «имя» которых еще не расшифровано (терроризм, маоизм и т. п.).

А. Бадью считает, что (в отличие от государственной политики) подлинной может быть только творческая политика, восходящая к высшим потенциалам мысли. Политика, направленная на подлинные родовые процедуры, и государственная политика, сформированная властью и соответствующим правом, радикально отличаются. Власть конкретного права (например, конституции) имеет временные рамки. Если такая власть их игнорирует, то утрачивается подлинное имя власти, такое политическое образование утрачивает привязку к подлинной реальности и становится «исключенным». Дальнейший путь и судьба таких государств определяются степенью их симуляционностью. Эта процедура похожа на ту, которую Шпенглер назвал «закат Европы». Политическая «симуляционность» Европы сродни биологическому старению. Для обновления и продолжения жизни необходимы новые процедуры, поиск новых путей, приближающих «вечного Левиафана» к социальной действительности (а не удаляющих от нее).

Политика, перестающая быть субъективной и опирающаяся лишь на право (как атрибут государственной власти), перестает генерировать истину, умирает и подчиняется государству, то есть превращается в псевдо-политику (в ее понимании капитало-парламентаризмом).

Главное, что обнаруживается в позиции А. Бадью при построении теоретического знания, – это разрыв между бытием и событием, в свою очередь, любое событие предполагает субъективность. Вот почему пришло время построить место для верности философии (посредством родовых процедур).

Важно понять сущность политики в системе онтологических и событийных координат. И поскольку речь идет о событии истины и субъективности, то важнейшее слово, заимствованное у А. Бадью, – верность. Это верность Платону и обращение к апостолу Павлу (для которого истина – это процесс, а не озарение). Каждая истина тол-

кает субъекта в область непроверенного и потому, с одной стороны, требует проверки, а с другой, – проверяет субъекта (на верность). Путь к истине совпадает с самой истиной. Отсюда можно заключить: только тогда, когда субъект находится в поле действия одной из родовых процедур, он может соприкоснуться с истиной.

Истинная родовая процедура бывает только в ситуации. Определяя главные задачи философии, А. Бадью встает на путь Декарта.

Настоящая политика является коллективной, но политика политики не должна пытаться дать определение коллективному: каждая такая попытка «политически» назвать общества приводит к роковому злу. Это видно на примере нацизма и сталинизма. Для А. Бадью зло – это нечто неотъемлемое от истины, а не что-то вне ее, это воля назвать любой ценой (даже если процедура именованная неправильная и не может быть истинной). На таком пути пустые (ничего не значащие для реальности) формы превращаются в истины и обретают форму зла. Это может принимать три формы уклонения от истины: закрытие открытости изображения, предательство и бедствие.

Политика, собственно, и есть для А. Бадью мышление. Только политическое мышление в этом смысле может быть свободным и верным (хотя и не свободным от ошибок). В то же время только математика разрушает опасную теологическую связь между истиной и бытием.

Можно предположить, что в настоящее время А. Бадью является (или по крайней мере был до последнего времени) единственным философом, который занимается определением и поиском истины.

По рецепту А. Бадью, отсутствие верности политике – форма социального зла. С учетом того, что А. Бадью понимает политику как особую родовую процедуру, свойственную человеку в области социальности, а верность политическому событию как верность крупным событиям (как практический вопрос), то требуют особого пояснения упорное стремление европейского человека к индустриальному, массовому и глобальному обществам, которые, как показывает реальность, пока, скорее, выступают как особая форма зла. Да, и демократия, раскрывающая стремление к равенству, перестает в современных обществах генерировать сущность добродетели. Как в таком случае пояснить внутреннюю природу человека, который может стремиться ко злу? Ведь, очевидно, что в идеальном государстве, построенном по принципам добродетели, должны быть заложены совсем другие подходы и принципы. Иными словами, наблюдается определенное противоречие между верностью политике и верностью политическим событиям. Неужели сильно различаются между собой наличие зла и стремление ко злу?

Нужно отметить, что проблема веры является проблемным местом в творчестве А. Бадью. В связи с интерпретацией родовых процедур уместен вопрос о наличии божественной среды (или множественном прочтении бытия человека), точнее, вопрос о том, скрывается ли за текучей множественностью то Единое, о котором писал Плотин. О божественном начале и Ж. Делез, и А. Бадью умалчивают. Однако в соответствии с восточным столкновением

пути человека мыслящего в основу бытия положен именно божественный путь – стремление к абсолюту (Брахману) как преодоление всех путей множественности, по которым пытались провести человека европейские мыслители от Пифагора до М Хайдеггера и А. Бадью. Понять, какой из этих путей предпочтительнее, сложно, так как обе процедуры – европейская (множественности) и восточная (единства) – теряются в родовых и религиозно-мифологических истоках бытия человека мыслящего. Возможно именно на пути такого объединения и заложена истина нашего происхождения. Но в обоих случаях очевидно, что для понимания сущности своего бытия человек должен разобраться в своих истоках – там заложены все процедуры формирования его существования. На этом пути приоткрывается тайна неклассического пути европейской философии – хайдеггеровской деструкции, постмодернистской деконструкции, ускользающих единичностей, гендерных процедур (о которых еще в начале XX в. писал в. Розанов) и т. д.

Библиографические ссылки

1. Бадью А. Манифест философии / А. Бадью. – СПб.: Machina, 2003. – 184 с.
2. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. Делез Ж. Анти Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
4. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
5. Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.

Надійшла до редколегії 19.01.11

УДК 130.3

О. О. Осетрова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

Ж. БОДРІЯР: ЗНИКНЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО У ПОСТІСТОРИЇ

Аналізуються погляди Ж. Бодріяра на трансформовану сьогодні природу соціального, яке припинило, з його точки зору, своє істинне існування, перетворившись на симулякр.

Ключові слова: соціальне, суспільство, маса, гіперреальність, симулякр, соціальний виклик.